

УДК 81, 94

«РОЛЬ ЯЗЫКОВ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ» ВООБРАЖАЕМЫЙ РЕГИОН «ТУРАН»: ПРЕОДОЛЕНИЕ «ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЛОВУШКИ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИНТЕГРАЦИЯ ЧЕРЕЗ ЯЗЫКИ

<https://doi.org/10.24412/2181-1784-2025-27-153-162>

Эгамбердиев Ш. Б.,

студент,

Университет мировых языков,

Ташкент, Узбекистан, egamberdiyevshakhboz2604@gmail.com

Миягоши Ю.,

Преподаватель,

Университет мировых языков,

Ташкент, Узбекистан, yukicognas@gmail.com

Аннотация: Данная статья исследуют роль Английского, Русского и Тюркских языков в формировании региональной идентичности и политической интеграции Центральной Азии. Исследование направлено на оценку лингвистического поля взаимодействия и насколько языковая близость в концепции Турана, постсоветские коммуникационные сети и процессы экономической глобализации влияют способствуя региональной интеграции Центральной Азии. Для анализа используется теория международных отношений - социальный конструктивизм.

Ключевые слова: Центральная Азия; интеграция; Туран; Амир Тимур; культура; Консультативный совет глав государств ЦА; конструктивизм.

ВВЕДЕНИЕ

Центральная Азия долгое время определялась в рамках пассивно заданной geopolитической структуры как «постсоветское пространство». Однако в настоящее время регион стремится переписать свои контуры по собственной воле. Символическим примером этого является сближение Азербайджана с Консультативной встречей глав государств Центральной Азии. Это сотрудничество, осуществляемое через Каспийское море, опровергает традиционное картографическое представление о «пяти странах Центральной Азии», основанное на административном делении советской эпохи. Регион — это не фиксированная географическая сущность, а

флюидный концепт, постоянно переформируемый посредством политических и культурных практик.

Цель данной статьи — сосредоточить внимание на роли «языка» в Центральной Азии и выявить, как он нивелирует существующие географические ограничения, то есть «территориальную ловушку» (territorial trap), и способствует новой региональной интеграции. В частности, в работе рассматриваются два вопроса. Во-первых, какое символическое пространство стремится создать возрождение исторического концепта «Туран»? Во-вторых, каким образом продвижение английского языка в странах Центральной Азии, трансформирует реальную структуру региональной интеграции?

В первой главе данной работы представлена теоретическая база исследования. Во второй главе обсуждается реконструкция исторического и цивилизационного тюркоязычного пространства через призму «Турана». В третьей главе анализируется современная языковая политика (политика трехъязычия в Казахстане, реформа образования в Узбекистане) и рассматриваются прагматические интеграционные функции, которые несет английский язык. В заключение будет обрисован облик будущей Центральной Азии, переопределенный языком.

Глава 1. Теоретическая база: «Территориальная ловушка» и конструктивистский подход

1–1. Преодоление «территориальной ловушки» (Territorial Trap)

Концепция «территориальной ловушки» (territorial trap) является одним из ключевых понятий, предложенных политическим географом Джоном Эгнью [Agnew, 1994, сс. 53–80] и примененных Улугбеком Азизовым [Ulugbeck Azizov, 2015] к исследованиям Центральной Азии. Она обозначает эпистемологическое заблуждение, при котором государства или регионы воспринимаются исключительно через призму фиксированных географических масштабов. В контексте Центральной Азии эта ловушка функционировала как бессознательная предпосылка о том, что границы бывшего СССР являются естественными границами региона.

Как утверждает Азизов, «региональность» (regionality) Центральной Азии не является данностью, а сконструирована имперскими проектами и академическим дискурсом. Следовательно, для понимания текущих интеграционных процессов необходимо обратить взор не на границы на карте, а на трудовую миграцию, перемещение людей, потоки капитала, культурный обмен, трансграничные нормы и пространство, где происходит языковая

циркуляция.

1-2. Конструирование идентичности и «инаковость» (Othering) В теории международных отношений конструктивизма (Constructivism) идентичность формируется через дифференциацию «я» (Self) и «другого» (Other) [B. Neumann, 1999, сс. 207–229]. Применяя этот концепт «self-othering» к странам Центральной Азии, можно сказать, что главной задачей после обретения независимости стало «отчуждение» (othering) прошлого «я» как «части Советского Союза» и определение нового «мы».

В этом процессе язык может служить мощнейшим инструментом установления границ. Возрождение тюркских языков символизирует возвращение к идентичности и выход из «постсоветского пространства», тогда как внедрение английского языка олицетворяет развитие в сторону «глобализации». Иными словами, языковая политика является не просто вопросом образовательной программы, а актом высокой политики, касающимся национальной безопасности.

Азизов критически переосмысливает традиционное представление о регионе как о географически неизменной категории. В его анализе Центральная Азия показывает себя как продукт политических проектов — имперских, советских и постсоветских. Региональность не является естественной данностью, она создается через нарративы, академические дискурсы, внешние определения, дипломатические практики и внутренние попытки стран заново конструировать собственное место в международной системе. Таким образом, Центральная Азия — это **не карта, а концепт**, который постоянно «переизобретается» элитами, интеллектуалами, студентами, медиа и организациями. Это полностью соответствует конструктивистскому пониманию мира: регионы существуют не сами по себе, а потому что акторы согласны с их существованием и наполняют их смыслом.

Современные процессы регионализации в Центральной Азии показывают, что регион больше не может рассматриваться как устойчивый географический объект. Вслед за конструктивистскими подходами в международных отношениях, а также в логике, предложенной Улугбеком Азизовым в работе *«Freeing from the Territorial Trap»*, Центральная Азия проявляет себя как «воображаемый регион» — политическое, культурное и дискурсивное пространство, существующее не благодаря границам, а благодаря идеям, языкам, коммуникациям и коллективному самоопределению государств. Такая перспектива становится особенно значимой в контексте недавнего присоединения Азербайджана к Консультативному совету глав государств

Центральной Азии. Этот шаг демонстрирует, что региональная идентичность может расширяться за пределы советского картографического шаблона и формироваться по иным принципам.

Глава 2. «Туран» как историческое и символическое пространство

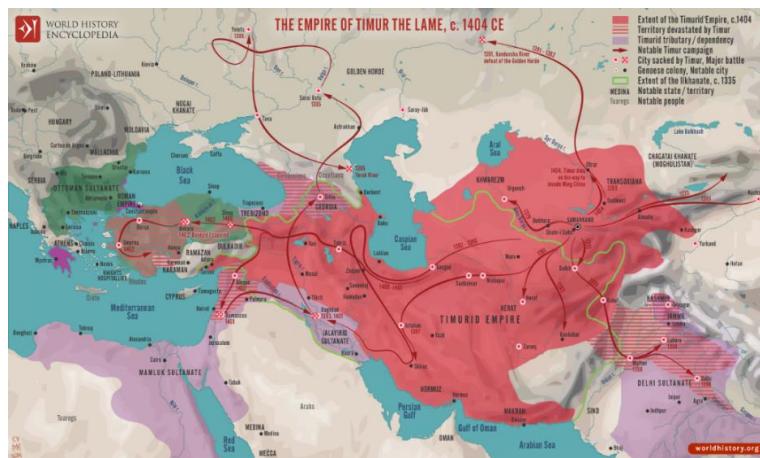
2-1. Эволюция концепта: от мифа к империи

Туран, восходящий к древнеиранской мифологии как образ кочевого Севера, противопоставленного оседлому Ирану, изначально имел скорее культурно-цивилизационное, чем политическое значение. Это был не столько географический, сколько символический маркер — обозначение пространства, населённого тюркскими и другими степными народами. Однако в конце XIV века данный термин получил новое, политически насыщенное содержание. Амир Тимур, осознавая необходимость создания общей идеологической основы для многоэтничного государства, использовал концепт Турана как цивилизационный каркас собственной империи. Это был акт политической символизации: мифологическое понятие было переопределено как реальное пространство власти. Именно поэтому в источниках фиксируется, что Тимур именовал себя *«Амир Турана»*, подчёркивая преемственность между историческими степными традициями и собственным государственным проектом.

Известный тюрколог Ахмет-Заки Валиди [Khujaev,M.I.2015] отмечает, что государство Туран, заново возведённое Тимуром, стало второй по величине империей в исламском мире после Арабского халифата, при этом основывалось на научном, интеллектуальном и морально-этическом фундаменте. Это подчеркивает отличие Тимуридской империи от многих других имперских образований, в которых доминировала чисто военная или династическая логика. Тимур сознательно создавал цивилизационный проект.

2-2. География и масштабы Турана в период его расцвета

Динамичность границ Турана в разные исторические периоды не позволяет реконструировать его как статичное государство. Однако, если опираться на современные исследования в области тюркологии и истории позднесредневековых империй, можно говорить о том, что к началу XV века пространство, которое воспринималось как Туран, включало:

Карта империи Амира Тимура 1404 год¹.

- территории современной Центральной Азии (Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан)
- Персию (большую часть современного Ирана)
- Кавказ (Азербайджан, часть Армении и Грузии)
- Афганистан
- значительную часть Пакистана
- северо-западную Индию
- северо-восточную часть Ирака
- часть Анатолии (современной Турции);

Таким образом, количественно это пространство соответствовало территориям более чем 10–15 современных государств, что делает Туран одним из крупнейших политических образований своего времени. Важным подтверждением политического самоопределения Тимура как правителя Турана является надпись, выбитая после победы над ханом Тохтамышем в 1391 году, где Тимур впервые официально титууется «Султан Турана». Это делает Туран не просто идеей, но и официальным титулом власти.

2-3. Расширение «воображаемого региона» в современную эпоху

Возрождение концепта «Туран» в современном контексте обусловлено самостоятельным стремлением к широкой региональной интеграции, выходящей за пределы государственных границ советской эпохи. Когда президент Азербайджана Ильхам Алиев, укрепляя сотрудничество с Центральной Азией, ссылается на «общую историю, язык и культуру», он намеренно апеллирует к возрождению именно этого, туризмского восприятия пространства. Это представляет собой отнюдь не физический территориальный ирредентизм, а создание «воображаемого сообщества», разделяющего общий язык (турецкая языковая группа) и историческую

¹ <https://www.worldhistory.org/image/17689/map-of-the-empire-of-timur-the-lame-c-1404-ce/>

память (наследие Тамерлана и др.). Участие Азербайджана свидетельствует о реконфигурации Центральной Азии: из замкнутого внутриконтинентального региона она превращается в пространство, открытое через Кавказ в сторону Турции.

В настоящее время Пантюркизм играет ключевую роль в политике стран Центральной Азии, служа как единая мысль, основа и цель для объединения не только на уровне правительств но и на уровне народной дипломатии среди молодежи Узбекистана. Культурная общность народов и тюркоязычный мир формирует идентичность стран на лингвистическом уровне способствуя добровольной самоидентификации относительно либерального запада, коммунистического востока и мусульманского юга. Концепция «*self-othering*», лежащая в основе конструктивистского анализа идентичности была развита в работах Дэвида Кэмпбелла и Лене Хансен, а регионально-цивилизационные измерения этого процесса получили глубокое осмысление в книге Ивера Нойманна [B.Neumann.1999.c.207-229] Согласно этой теории, коллективная идентичность возникает через различие мы и они, именно языковые, культурные и политические практики создают границу между собой и остальными.

Переосмысление географии центральной азии

«Сегодня поистине исторический день для наших братских народов²...» — отмечал Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев 16 ноября 2025 года, подчеркивая политическую и культурную значимость присоединения Азербайджана к консультативному формату Центральной Азии.

Выход из территориальной ловушки

Одним из центральных аналитических инструментов Азизова является концепция «территориальной ловушки», впервые предложенная политологом Джоном Агнью [Агнью 1994: 53–80]. Она указывает на распространённую ошибку, когда исследователи и государства воспринимают существующие географические границы как неизменные рамки политического анализа. В применении к Центральной Азии эта ловушка проявляется в том, что постсоветская карта региона часто принимается за его естественное и единственно возможное определение. Однако реальный регион формируется гораздо более сложными и динамичными процессами — движением рабочей силы, циркуляцией капитала, культурными обменами и трансграничными нормами. Именно в этом контексте присоединение Азербайджана к консультативному формату Центральной Азии становится показательным

² <https://president.uz/ru/lists/view/8674>

примером выхода за пределы старых представлений: регион всё яснее предстает не как механическое наследие СССР, а как живое пространство, создаваемое общностью идентичности, языка, культурной близости и политического воображения.

В такой перспективе язык приобретает ключевое значение. Он выступает не только средством коммуникации, но и важнейшим механизмом формирования коллективных идентичностей, определяющим, кто и как включается в воображаемые пределы современного региона.

Глава 3. Английский как глобальный язык и структурная трансформация региона

3-1. Английский язык как инструмент трансформации региональной идентичности Центральной Азии

Как утверждает Дэвид Кристал в работе «*English as a Global Language*», английский стал мировым языком не благодаря навязыванию, а потому что глобальная экономика, наука и международное управление в значительной степени функционируют именно на нём. Эта логика особенно заметна в Центральной Азии, где страны стремятся интегрироваться в мировые цепочки стоимости, проводить цифровые реформы и работать в соответствии с международными экономическими стандартами. Английский язык встраивает регион в глобальные регуляторные системы — от ВТО до международных финансовых институтов — создавая доступ к инвестициям, технологиям, инновационным рынкам и современным нормам управления. Узбекистан и Казахстан активно адаптируют свои реформы, ориентируясь на англоязычные стандарты — от бухгалтерии по IFRS до ESG-повестки.

В этом контексте язык становится не только средством коммуникации, но и экономическим ресурсом. Далеко известным фактом является то что языком технологий в настоящее время является именно английский язык, он выражен тем что материалы обучения, и библиотека знаний каждого из ныне существующих наук мира имеют обширный спектр информации именно на английском языке. И это является ключевым фактором определения его как языка науки. В разные промежутки времени языками науки в Центральной Азии были именно азиатские языки, персидский, арабский, тюркский, русский и ныне наступил английский, однако большое отличие английского от всех остальных языков является то что он в отличие от тюркского и русского языка воспитывает не только директивно политическую, а интеллектуальную и инновационную элиту в областях экономики, торговли и промышленности. Для Центральной Азии английский язык выполняет двойную функцию, выступая инструментом как модернизации, так и дерусификации.

3.2. «Политика трехъязычия» в Казахстане: баланс и конкурентоспособность

Казахстан еще со времен первого президента Н. Назарбаева продвигает «политику трехъязычия» (проект «Триединство языков») в качестве государственной стратегии. Это амбициозный проект, направленный на овладение гражданами тремя языками: казахским (государственный язык), русским (язык межнационального общения) и английским (язык интеграции в глобальную экономику).

Суть данной политики заключается в том, чтобы восстановить статус казахского языка и одновременно повысить международную конкурентоспособность через английский язык, избегая при этом социального раскола, который мог бы возникнуть вследствие резкого исключения влияния русского языка. Этот курс сохраняется и при нынешней администрации К. Токаева. В частности, внедрение преподавания на английском языке по естественно-математическим дисциплинам и подготовка кадров в англоязычных странах через программу «Болашак» (государственная стипендия) формируют новый класс технократов, качественно отличающийся от традиционной интеллигенции советского образца. Английский язык служит неотъемлемым инструментом для доступа к западным технологиям, капиталу и стандартам управления.

3-3. Реформа английского образования в Узбекистане: драйвер политики открытости

В Узбекистане с приходом к власти президента Ш. Мирзиёева английское образование также стало символом государственной политики открытости. Активно привлекаются филиалы образовательных учреждений западных стран, и усиливается обязательное изучение английского языка, начиная с начального уровня.

Особого внимания заслуживает сопряжение подготовки ИТ-кадров с обучением английскому языку. Узбекистан стремится трансформировать свое многочисленное молодое население в трудовой ресурс для цифровой экономики, где lingua franca является английский, а не русский. Ожидается, что английский язык будет утверждаться в качестве языка передовых технологий и бизнеса, постепенно замещая русский язык, который ранее доминировал в сферах науки и государственного управления. Как следствие, овладение английским языком позволит диверсифицировать географию трудовой миграции и академической мобильности граждан Узбекистана, расширяя ее на весь мир за пределы одной лишь России.

В дополнение к этим стратегическим ориентирам государство приняло конкретные практические меры по массовому распространению иностранных языков и развитию частного сектора в языковом образовании³. На Агентство по делам молодёжи возложены функции по координации обучения иностранным языкам, поддержке и ранжированию частных учебных центров с последующим стимулированием наиболее успешных. Введена компенсация экзаменационных расходов для молодых людей, получивших международные сертификаты уровня **C1**, включая единовременную выплату в размере **тройной базовой расчетной величины**; в переходный период до **1 января 2027 года** по ряду языков понижен порог для получения таких выплат. Частным центрам разрешено пользоваться школьными кабинетами в свободное от уроков время — в **2024 году** планируется передать в безвозмездное пользование **не менее 1000** таких помещений. Студентам-лингвистам 3–4 курсов с сертификатом $\geq C1$ разрешается трудиться преподавателями в школах в период **2024–2026 гг.**, что частично компенсирует дефицит педагогов. Для **100** лучших центров, работающих в отдалённых и труднодоступных районах, предусмотрена компенсация части арендных расходов, а также запланировано международное сотрудничество и открытие порядка **5 дополнительных центров оценки** знаний по иностранным языкам в стране. Эти шаги образуют прагматичную инфраструктуру для распространения языковой компетентности и интеграции молодёжи в глобальные образовательные и трудовые сети.

Заключение

Таким образом, языковое пространство Центральной Азии выступает не просто средством коммуникации, но ключевой архитектурой региональной интеграции, в которой сходятся исторические нарративы, политические проекты и глобальные трансформации. Английский, русский и тюркские языки образуют многослойную лингвистическую экосистему, где каждый из них выполняет собственную цивилизационную функцию: от конструирования воображаемого Турана и воспроизведения постсоветской памяти до включения региона в мировые цепочки знаний и технологий. Эта языковая триада формирует динамичную модель идентичности, основанную на пересечении традиции и модерности, локального и глобального, материального интереса и символического капитала.

Влияние английского языка, выполняющего роль «инфраструктуры глобализации», радикально переопределяет горизонты регионального

³ [ПП-239-сон 27.06.2024. О дополнительных мерах по повышению эффективности системы обучения молодежи иностранным языкам](#)

развития, создавая новую технократическую элиту и связывая Центральную Азию с мировыми потоками идей, инноваций и инвестиций. Русский язык продолжает функционировать как социальная память и коммуникационный мост, а тюркские языки — как культурное ядро, обеспечивающее чувство цивилизационной преемственности и символическую сплочённость. В совокупности эти процессы демонстрируют, что региональная интеграция в Центральной Азии больше не ограничивается географией или межгосударственными институтами. Она становится результатом лингвокультурного воображения, где язык превращается в инструмент создания будущего — пространства, открытого, гибкого и способного к самообновлению в условиях стремительно меняющейся международной среды. Языки продолжат играть роль движущей силы интеграции Центральной Азии, выступая не просто средством описания прошлого, но и мощнейшими политическими инструментами конструирования будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хужаев М. И. Некоторые особенности этических воззрений Ахмет-Заки Валиди // *Credo New*. 2015.
2. Халид А. Создание Узбекистана. Итака: Cornell University Press, 2015. 403 с.
3. Кристал Д. Английский как глобальный язык. 2-е изд. Кембридж: Cambridge University Press, 2003. 202 с.
4. Нойманн И. Б. Использования Другого. Миннеаполис: University of Minnesota Press, 1999. С. 207–229.
5. Равшанов Ф., Рашидов Ф., Азимов Х. Исторические науки. Амир Темур и государства Турана. 2020.
6. Агню Дж. Территориальная ловушка: географические предпосылки теории международных отношений // *Review of International Political Economy*. 1994.
7. Азизов У. Освобождение от «территориальной ловушки»: переосмысление пространственного дискурса Центральной Азии. Эрфурт: Университет Эрфурта, 2015. 141 с.
8. <https://president.uz/ru/lists/view/8674>
9. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2019 года № 1045 «Об утверждении Государственной программы по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы»